КОНДРАТЕНКО**Галина
Викторовна**

Младший научный сотрудник
Центр китайских
исследований, Институт
истории, археологии
и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
ул. Пушкинская, 89,
Владивосток, Россия, 690001

KONDRATENKO**Galina
Viktorovna**

Junior Research Fellow
Center of Chinese Studies,
Institute of History, Archeology
and Ethnography of the
Peoples of the Far East FEB
RAS, 89, Pushkinskaya Str.,
Vladivostok, Russia, 690001

Gala103@yandex.ru

УДК 321.7(510)

**ПОЛИТИКА МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ КНР
ПО СОЗДАНИЮ ТОЧЕК
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

В статье рассмотрен длительный период реформирования госсектора в Китае, которое характеризовалось постепенным переходом от политики децентрализации и свободы местных властей в выборе стратегии развития регионов к построению вертикальной структуры администрирования. Также в статье рассматривается процесс реформирования госпредприятий, которые должны были стать точками роста, и переход к созданию региональных СЭЗ, ставших в итоге агентами развития и способствовавших локализации китайской экономики.

Государственные предприятия в КНР, свободные экономические зоны, Северо-Восток, точки роста, институты развития

**THE POLICY OF LOCAL AUTHORITIES
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA
ON CREATING POINTS
OF ECONOMIC GROWTH**

Extended period of reforming the state sector in China is considered in the paper. This reform is characterized by a gradual transition from the policy of decentralization and freedom of local authorities in choosing a strategy for the development of regions to build a vertical administrative structure. The process of reforming the state-owned enterprises that were supposed to become growth points, and the transition to the creation of regional special economic zones, which eventually became agents of development and contributed to the localization of the Chinese economy is also examined in the article.

State enterprises in China, special economic zones, North-East, growth points, development institutions

Введение

В конце 1970-х гг., в эпоху начала реформ, в Китае не существовало готовых рецептов экономического развития. Поездки китайских чиновников в развитые и развивающиеся страны привели к выбору модели «открытых дверей» и созданию свободных экономических зон в восточных регионах страны. Закон, регламентирующий деятельность СЭЗ в провинции Гуандун, был принят в 1980 г., а «южное турне» Дэн Сяопина в 1992 г., с посещением восточных провинций страны, дало понять местным властям, что они могут продолжать экономические эксперименты и, несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию, реформы не будут свёрнуты.

Модель создания экспортоориентированных СЭЗ не являлась «рабочей» для центральных и северо-восточных регионов страны, и местные власти вынуждены были вырабатывать другие механизмы развития. Необходимо было изыскивать внутренние резервы и реформировать существующие институты. Если исходить из того, что главным фактором развития являются инвестиции, то во второй половине 1980-х гг. центральные власти фактически отдали решение проблемы по поиску и накоплению капитала на места, перераспределив баланс финансовых и административных ресурсов в пользу регионов и создав институциональные возможности для развития локального бизнеса [4, с. 42]. Выбор у региональных правительств был не слишком разнообразен, а главными проблемами, с которыми столкнулись власти на местах, получив от Центра «творческую свободу» в выборе вектора и инструментов развития, были отсутствие капитала (инвестиций) и свободного рынка труда. Эти ограничения задали вектор развития – реформирование госпредприятий и создание на их базе точек роста. В данном контексте предметом исследования является стратегия местных властей при выборе политики регионального развития в условиях реформы госсектора, инициированной Центром, но напрямую затрагивающей интересы чиновников на местах.

Государственные предприятия были выбраны по ряду причин. Во-первых, предприятия госсектора занимали большие производственные площади, были сконцентрированы в ключевых точках экономической жизни страны, были оснащены современным оборудованием и выпускали техноёмкую продукцию. Во-вторых, социальные функции, которые возлагались на госсектор, позволяли сохранять социальную стабильность и без огромных затрат на создание общенациональной системы социального обеспечения освободить капитал для инвестиций в экономическое развитие. В-третьих, решение структурных проблем госсектора, согласно логике местных властей, в конечном итоге должно было привести к решению задачи регионального развития.

Альтернативным путём развития регионов могло бы стать развитие волостных и поселковых предприятий, но так как они были по существу «частными», то это был «политически» неправильный путь. Изначально волостные и поселковые предприятия рассматривались как форма занятости, привлекающая избыточную рабочую силу из села. Хотя эти предприятия сами отвечали за прибыль и убытки, и у них был определённый «рыночный» опыт и подобие рыночной дисциплины, ставку на них никто не делал. Во-первых, из 7 моделей только 2 были эффективными (модель провинции Цзянсу – работа с крупными госпредприятиями на импортном оборудовании с гарантированным сбытом продукции и возможностью повышать квалификацию работников) [7, с. 49]. В то же время стоит отметить, что свою главную задачу – трудоустройство избыточной рабочей силы – эти предприятия выполняли очень эффективно: в 1978 г. на этих предприятиях работало 28 млн крестьян (9,5%), к 1996 г. занятость на них выросла до 135 млн человек [11, р. 231].

Некоторые исследователи, подводя итоги первым этапам реформирования (до начала 2000-х гг.), настаивали, что госпредприятия не могут стать локомотивом регионального разви-

тия в силу институциональных проблем, накопившихся за долгий срок их существования [12, р. 312]. Также они подчёркивали, что функции госпредприятий не совпадают с целями и функциями институтов развития. Но необходимо учитывать, что в китайской практике нет понятия «институт развития», в дискурсе используется как устойчивая лингвистическая конструкция понятие «институт экономического развития», и это отчасти уводит практику из политической конъюнктуры и смягчает бюрократизацию экономической повестки. Стоит отметить, что институты развития – это результат деятельности политических и бюрократических структур, и они непосредственно не связаны с волей экономических акторов, лишь часть которых получает выгоды от преференциальных практик. В этом ключе задачей центральных и региональных властей Китая не являлось создание институтов развития, она была более практической – решить накопившиеся социально-экономические проблемы и создать точки роста.

Реформы госсектора в Китае оцениваются диаметрально противоположно. В англоязычной литературе эта реформа признаётся самой неудачной [14, р. 28] из-за того, что не произошло смены формы. Более оптимистичные оценки учитывают, что реформы продолжаются и от реформы госсектора не отказываются [10, р. 225]. А китайские специалисты указывают, что «расширение прав предприятий и свобода в распределении прибыли принципиально меняют отношения между предприятиями и государственным бюджетом» [8, с. 109].

Кроме того, периодизация реформы госсектора также сильно отличается. Китайские исследователи выделяют 6 этапов реформирования госсектора, начиная с пробного периода расширения самостоятельности в производстве и распределении прибыли (1979–1980 гг.) и заканчивая периодом перехода к рыночным механизмам деятельности госпредприятий (1994–2005 гг.) [6, с. 122]. Англоязычные авторы более строго подходят к периодизации: 1) 1980–1984 гг. – пробный этап, связанный с расширением производственной самостоятельности; 2) 1984–1986 гг. – введение подрядной системы ответственности и «двухколейной» системы цен (эта система консервировала положение Северо-Востока как сырьевого придатка восточных провинций страны); 3) 1986–1997 гг. – введение механизмов банкротства и акционирования госпредприятий, то есть появление элементов рыночного регулирования деятельности госпредприятий; 4) 1997–2001 гг. – введение системы внешних наблюдателей и выстраивание вертикальной системы управления госсектором.

Несмотря на то, что начало реформы связывают с 1980 г., некоторые изменения начались немного раньше – в 1977 г. на госпредприятиях было восстановлена система материального стимулирования: рабочим были повышены зарплаты, а в 1978 г. вернулись бонусы и сдельная оплата.

Начальный период реформы

Сама реформа крупных госпредприятий стартовала в виде эксперимента (эксперимент по расширению автономии и внедрению фиксации прибыли) в 1978 г. в провинции Сычуань. Получив свободу в распределении части прибыли, социальная нагрузка на предприятия не изменилась – решения о найме, увольнении и зарплате работников предприятия по-прежнему принимать не могли.

В 1983 г. была введена система налогообложения предприятий – хотя единого налога не было, ставка варьировалась от предприятия к предприятию, от отрасли к отрасли. В 1984 г. была введена система плановых заданий в госсекторе – создавалась многоуровневая подрядная система. Но из-за фрагментированности национальной экономики региональная экономика становилась практически замкнутой, что порождало и закрепляло экономическое и социальное неравенство.

В 1986 г. был принят Закон о банкротстве предприятий (для применения в опытный порядке). Согласно статье 37 этого закона, работники предприятия-банкрота получают зарплату (задолженность по зарплате) после покрытия первоочередных расходов¹. В том же году было принято Временное положение о найме рабочих и служащих на государственные предприятия. Это положение чётко определяло новый порядок приёма на работу в госсектор: вводился публичный найм рабочей силы (особо было оговорено, что «недопустимо замещение ушедших на пенсию работников их детьми»²); устанавливался испытательный срок и вводился трудовой контракт; закреплялся приоритетный найм работников, проживающих в городе, а для найма работников из сельской местности требовалось особое разрешение. С целью дополнительной поддержки работников госсектора в 1986 г. было выпущено Временное положение о страховании в период трудоустройства рабочих и служащих госпредприятий. Оно определяло страхование от безработицы в случаях банкротства предприятия, увольнения, расторжения трудового контракта и устанавливало ежемесячный взнос работника в страховой фонд в размере 1% от доходов.

В 1986 г. были опубликованы «Решения по некоторым вопросам дальнейшего стимулирования горизонтальной экономической интеграции», которые разрешали слияние предприятий из разных регионов. Также была проведена реформа организации труда (с 1986 г. госпредприятия смогли определять размеры оплаты труда и бонусов), кроме того, произошло ослабление опеки со стороны местных властей и снижение коррупции.

Несмотря на все предпринимаемые меры, госсектор был убыточным – в 1987 г. субсидии госпредприятиям составляли 2/3 расходов госбюджета [5, с. 204]. К 1995 г. более 50% госпредприятий были нерентабельными. В итоге центральные и местные власти сократили капиталовложения в госпредприятия, и последние были вынуждены проводить модернизацию за счёт банковских кредитов.

Введение «рыночных механизмов» реформирования госсектора

В начале 1990-х гг. следующей целью новой стадии реформы госпредприятий стало построение современной системы предприятий, освобождённых от вмешательства государства и «приученных к рыночной дисциплине» [5, с. 243]. Поэтому акцент сместился в пользу реформирования системы управления и смены формы собственности. Несколько предпринятых попыток изменить систему управления оказались откровенно неудачными. Но некоторые крупные предприятия были превращены в корпорации-холдинги. Из самых успешных мероприятий можно выделить приватизацию небольших госпредприятий и увольнение (экономически эффективное) сотрудников в середине 1990-х гг.

Приватизация мелких предприятий началась в 1992 г. как эксперимент в трёх провинциях – Шаньдун, Сычуань и Гуандун. Эта практика была распространена в рамках стратегии «схватывания большого и освобождения малого». С 1995 г. началась политика массового увольнения «избыточных» работников, в конце 1990-х гг. численность работников госпредприятий снизилась до 100 млн человек.

Некоторые меры (такие, как введение системы ответственности управленцев) привели к краткосрочному повышению производительности труда, но прибыль и налоговые поступления снижались краткосрочными темпами. А после вступления в «рыночные отношения» многие директора госпредприятий были склонны организовывать производственные планы, ориентируясь на получение краткосрочной прибыли в ущерб долгосрочной стратегии развития.

¹ КНР. Законодательные акты 1984–1988 гг. М.: Прогресс, 1989. С. 247.

² Там же. С. 458.

К 1995 г. в стране насчитывалось свыше 3 200 холдинговых компаний в форме акционерных обществ, из них 85% были созданы при значительном участии сотрудников.

Постепенно стал создаваться рынок труда. Для этого нужно было «освободить» людей от системы пожизненного найма, для чего был принят ряд мер.

В 1993 г. было введено страхование на случай безработицы, к 1994 г. 70% работников были охвачены этим видом страхования. Также в это время отказались от формулировки «ожидающие трудоустройства» и признали понятие (феномен) безработицы. В 1994 г. начались массовые увольнения работников с госпредприятий. Возможно, это косвенно влияло на формирование рынка труда.

В 1994 г. началась жилищная реформа – государственное жильё продавалось жильцам по цене ниже рыночной, и работники, выкупив жильё, больше не зависели от работодателя и могли менять место работы без потери жилья.

В 1997 г. Пекин инициировал трёхгодичную программу по реструктуризации и реформированию госпредприятий; также были приняты меры по снижению фискальной нагрузки и выведение решения проблемы городов ресурсного типа в самостоятельную программу. Было положено начало новому этапу реформирования, который имел «административный» характер. В 1998 г. на предприятия были направлены так называемые внешние инспекторы, которые контролировали их деятельность. Однако у них не было необходимых навыков для решения управленческих проблем, и они не смогли справиться возложенной на них задачей. Затем был создан Рабочий комитет по крупным предприятиям, который должен был отвечать за назначение руководителей высшего звена. В 2001 г. при Госсовете была создана Комиссия по управлению и надзору за государственными активами, такие же комиссии были сформированы на местах. К этому времени была достигнута промежуточная цель – уменьшение количества нерентабельных предприятий в экономике страны и сокращение доли занятых в этой сфере, и поэтому реформа госсектора перешла в фоновый режим. 13 сентября 2015 г. Госсовет опубликовал пятилетний план реформирования госпредприятий. Его суть заключалась в расширении присутствия частного капитала в госсекторе. Сегодня фонды предприятий КНР оцениваются в 100 трлн юаней (15,7 трлн долларов), на них работают порядка 30 млн человек. Государство может отказаться от контрольных пакетов акций в большинстве госкорпораций. В его руках останется «золотая акция», которая наделяет правом вето на принятие таких важных решений, как перераспределение пакетов акций, слияния и поглощения, пересмотр базовой политики компании. Цель реформ – превратить принадлежащие государству корпорации в «полноценные субъекты рыночной экономики» к 2020 г., возродить обширный государственный сектор экономики Китая и создать конгломераты, способные конкурировать на мировой арене.

Особенные меры в «особом» регионе: Северо-Восточный Китай

Говорить об особенностях реформирования госсектора в Северо-Восточном Китае можно всерьёз только начиная с 2003 г., то есть после принятия Программы возрождения старой промышленной базы Северо-Востока: одним из её важных пунктов стала реформа системы имущественных прав и стратегия регулирования госсектора.

Регион проходил все этапы реформирования без срывов и серьёзных проблем до 1994 г., когда начался процесс акционирования. Согласно «Закону о компаниях» в редакции 1993 г.¹, госпредприятия разделялись на три типа: 1) предприятия, которые связаны с безо-

¹ Закон КНР «О компаниях» принят 5-м заседанием Постоянного Комитета Всекитайского собрания Народных Представителей восьмого созыва 29 декабря 1993 г.

пасностью государства (предприятия оборонного комплекса), объекты по добыче редких металлов, предприятия и отрасли государственной монополии (акционированию не подлежат); 2) предприятия-монополисты (энергетика, транспорт, коммуникации и др.), которые могли быть акционированы в виде холдингов; 3) акционированные конкурентоспособные предприятия капиталоемких и техникоёмких отраслей [9, с. 99]. Из-за того, что в Северо-Восточном Китае преобладали предприятия, относящиеся к первым двум категориям, процесс акционирования и санации госсектора проходил медленно и малоэффективно, по темпам акционирования и банкротства Северо-Восток отставал от других регионов Китая. Кроме того, по региону больно ударил процесс сокращения работников: например, в провинции Ляонин доля зарегистрированных безработных увеличилась в пиковый период увольнений (с 2001 по 2003 гг.) до 6,5%¹.

К 2002 г. на Северо-Востоке сложилась особенно тяжёлая ситуация. Например, в провинции Хэйлунцзян убытки государственных предприятий местного уровня достигали 38,3 млрд юаней, в то время как чистая стоимость государственной собственности составляла 35,8 млрд [2, с. 314]. В 2000 г. всего в стране действовало 42 426 госпредприятий, из них в провинции Ляонин – 2 045, в провинции Цзилинь – 1 347, в провинции Хэйлунцзян – 1 269.

В 2003 г. местным правительствам трёх провинций Северо-Востока было предложено включиться в процесс реформирования госсектора в регионе. Результатом законотворчества стали нормативные документы, учитывающие особенности функционирования госсектора в провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян. В 2004 г. в провинции Хэйлунцзян вышел документ под названием «Экспериментальные правила о поощрении участия всех типов инвесторов в реформе системы имущественных прав государственных предприятий», в 2005 г. в провинции Ляонин – «Политическое мнение народного правительства провинции Ляонин об углублении реформы государственных предприятий», в провинции Цзилинь – «Руководящие мнения о дальнейшем углублении реформы государственных промышленных предприятий» [1, с. 68–69]. Общие идеи, которые объединяют эти документы: 1) снятие ограничений на акционирование и 2) совершенствование корпоративной системы социального обеспечения и политики занятости.

К промежуточным итогам реформы можно отнести существенное сокращение госсектора: например, в 2007 г. в провинции Ляонин по результатам обследования было заявлено о 90% акционированных предприятий [15, с. 42]. К 2011 г. число государственных предприятий уменьшилось почти в 10 раз: их осталось 6 707 по всей стране, в провинции Ляонин – 250, в провинции Цзилинь – 145, в провинции Хэйлунцзян – 215. Поэтому главным результатом реформ признаётся уменьшение количества неэффективных предприятий в экономике страны и сокращение доли занятых в этой сфере. Кроме того, на Северо-Востоке Китая проявились тенденции, которые в 1990-гг. доминировали в Восточном Китае – процессы объединения в холдинги и госкорпорации и процессы слияния и поглощения, которые вывели межбюджетные отношения госпредприятий и государства на приемлемый для обоих участников уровень.

Заключение

Объясняя причины относительной неэффективности реформы госпредприятий, необходимо указать на следующие очевидные ошибки как центральных, так и местных властей. Во-первых, на первом этапе сложилась практика, когда эффективные предприятия отдавали государству значительную часть прибыли, а нерентабельные пользовались госсубсидиями. В итоге эффективные предприятия не развивались, а убыточные – не разорялись. Во-вторых, по-прежнему сохранялся контроль со стороны местных властей, который превращался в мест-

¹ <http://data.stats.gov.cn/english/mapdata.htm?cn=E0103>

ный протекционизм. Возможно, что одной из причин провала первого этапа стало сопротивление контролирующих органов, так как превращение госпредприятий в акционерные общества должно было существенно снизить бюрократическую нагрузку и сократить подобные связи [12, р. 312]. К началу 1990-х гг. значительная часть органов, занимающихся регулированием или контролем экономической деятельности, была переведена из местного подчинения в вертикально интегрированные структуры [13, р. 793].

Второй этап был более радикальным и разноплановым, но реформа сдерживалась отсутствием рынка труда и альтернативной системы социального обеспечения. Государственные предприятия по-прежнему несли социальную нагрузку, которая оттягивала значительные средства и мешала развитию самих предприятий. Это обстоятельство также мешало модернизации госсектора и превращению его в институт развития в силу того, что институты развития не решают напрямую социальные задачи и лишь косвенно способствуют повышению качества человеческого капитала.

Тем не менее, ещё в 1990-е гг., когда госпредприятия стали финансово обременительными для местных властей (до провинциального уровня) и стало очевидно, что госпредприятия не способны стать локомотивом роста региональной экономики без решения структурных проблем, на местах стали создавать промышленные парки.

Кроме того, существовал положительный опыт СЭЗ в провинции Гуандун, деятельность которой была законодательно оформлена в Положении об особых экономических зонах провинции Гуандун в 1980 г. Ответственным за её работу был объявлен Комитет по управлению особыми экономическими зонами провинции Гуандун, который осуществлял единое руководство всеми особыми зонами¹. Именно этот опыт подталкивал местные власти к созданию региональных зон экономического развития, а государство – к созданию финансовых институтов развития, которые стали работать преимущественно в этих зонах, например, таких, как Investic (Фонд частных инвестиций), China Investment Corporation, TUS Holdings (изначально работал как технологический парк), Citic Merchant (CITIC Group) и т.д.

Однако отказ от стратегии развития госпредприятий привёл к новому измерению развития регионов – экономике локализации. Регионы с момента открытия «технологических парков» стали конкурировать за инвестиции и источником этого капитала выступали в основном частные компании и иностранные инвесторы. Кроме того, возникла проблема повторных (двойных) инвестиций. Стоит указать и на ещё одно обстоятельство: так как Гонконг фактически являлся оффшором, то одной из его функций был транзит капитала, часть которого (по некоторым оценкам, от 25 до 40%) поступала от китайских госкорпораций и госбанков и реинвестировалась в китайские СЭЗ [3, с. 135].

И если в начале реформы госсектора и местные, и центральные власти всерьёз рассматривали госпредприятия как локомотивы развития, то с появлением других инструментов (СЭЗ) и после ряда неудачных мероприятий даже сама реформа госпредприятий отошла на второй план. Однако надо признать, что госпредприятия центрального подчинения в результате реформы превратились в госкорпорации, стали отраслевыми монополистами, вышли на внешний рынок и даже отчасти выполняют роль институтов развития. На примере Северо-Восточного Китая видно, насколько госпредприятиям было трудно входить в рыночные отношения (наиболее тяжёлым испытанием стала двухуровневая система цен) в регионе с преобладающим госсектором; отсутствие конкуренции со стороны частного сектора законсервировало структуру экономики на несколько десятилетий.

¹ Положение об особых экономических зонах пров. Гуандун от 26 августа 1980 г. // КНР. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1984. С. 271.

Список литературы

1. *Александрова М.В.* Реформа госпредприятий Северо-Востока КНР в свете решений партии // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ / отв. ред. А.В. Островский. В 2-х ч. Ч. 2. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 65–78.
2. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М.: ФОРУМ, 2009. 560 с.
3. *Иванов С.А.* Особые экономические зоны в Китае: уроки для дальневосточной политики // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 129–141.
4. *Иванов С.А.* Распределение фискальных и административных ресурсов между центральной и местными властями КНР в период реформ // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2, ч. 1. С. 41–48.
5. *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. 386 с.
6. *Ли Ч.* Новые китайские госпредприятия // Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии / под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. М.: Наука, 2005. С. 120–126.
7. *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2003. 456 с.
8. *Хань Ч.* Реформа государственных предприятий // Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии / под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. М.: Наука, 2005. С. 109–119.
9. *Цзюй Ц.* Реформа собственности государственных предприятий в Китае // Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии / под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. М.: Наука, 2005. С. 97–109.
10. *Hope N.C.* Closing Remarks // Policy Options for Reform of Chinese State-Owned Enterprises. Proceedings of a Symposium in Beijing, June 1995. Ed. by H.G. Broadman. Washington, D.C.: The World Bank, 1996. Pp. 225–229.
11. *Huang Y.* Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State. New York: Cambridge University Press, 2008. 366 p.
12. *Lin Y., Zhu T.* Ownership Restructuring in Chinese State Industry: An Analysis of Evidence on Initial Organizational Changes // The China Quarterly. 2001. Vol. 166. Pp. 305–341. DOI: 10.1017/S000944390100016X
13. *Mertha A.C.* China's «Soft» Centralization: Shifting Tiao/Kuai Authority Relations // The China Quarterly. 2005. Vol. 184. Pp. 791–810. DOI: 10.1017/S0305741005000500
14. *Qian Y.* How Reform Worked in China: The Transition from Plan to Market. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. 412 p.
15. *Liaoning lan pishu 2008. Liaoning jingji shehui xingshi fenxi yu yuce* (Синяя книга провинции Ляонин. 2008 г. Анализ и прогноз социально-экономического положения провинции Ляонин). Beijing: Shehui kexue wenxian Chubanshe, 2008. 421 с. (на кит. яз.)

References

1. *Aleksandrova M.V.* Reform of State-Run Enterprises in North-Eastern China in the Context of Party Decisions. In: *3-rd Plenum of the Central Committee of the CPC of the 18th Convocation: The Horizons of Reforms*. Ed. by A.V. Ostrovsky. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 2014. Pp. 65–78. (In Russian)
2. *Berger Ya.M.* *Chinese Economic Strategy*. Moscow, 2009. 560 p. (In Russian)

3. Ivanov S.A. China's Special Economic Zones: Lessons of Far Eastern Policy. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific]. 2014. No. 4. Pp. 129–141. (In Russian)
4. Ivanov S.A. Distribution of fiscal and Administration Resources between Central and Local Government in China during the Reform Period. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religious Studies»]. 2012. No. 2, part 1. Pp. 41–48. (In Russian)
5. Coase R., Wang N. *How China Became Capitalist*. Moscow, 2016. 386 p. (In Russian)
6. Li C. New Chinese State-Owned Enterprises. In: *China and Russia: Common and Special in Socio-Economic Development*. Ed. by L.V. Nikiforov, T.E. Kuznetsova, M.B. Guseva. Moscow, 2005. Pp. 120–126. (In Russian)
7. Ostrovsky A.V. *The Formation of the Labor Market in China*. Moscow, 2003. 456 p. (In Russian)
8. Han C. Reform of State Enterprises. In: *China and Russia: Common and Special in Socio-Economic Development*. Ed. by L.V. Nikiforova, T.E. Kuznetsova, M.B. Guseva. Moscow, 2005. Pp. 109–119. (In Russian)
9. Ju J. Reform of the Ownership of State-Owned Enterprises in China. In: *China and Russia: Common and Special in Socio-Economic Development*. Ed. by L.V. Nikiforova, T.E. Kuznetsova, M.B. Guseva. Moscow, 2005. Pp. 97–109. (In Russian)
10. Hope N.C. Closing Remarks. In: *Policy Options for Reform of Chinese State-Owned Enterprises. Proceedings of a Symposium in Beijing, June 1995*. Ed. by H.G. Broadman. Washington, D.C.: The World Bank, 1996. Pp. 225–229.
11. Huang Y. *Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State*. New York: Cambridge University Press, 2008. 348 p.
12. Lin Y., Zhu T. Ownership Restructuring in Chinese State Industry: An Analysis of Evidence on Initial Organizational Changes. *The China Quarterly*. 2001. Vol. 166. Pp. 305–341. DOI: 10.1017/S000944390100016X
13. Mertha A.C. China's «Soft» Centralization: Shifting Tiao/Kuai Authority Relations. *The China Quarterly*. 2005. Vol. 184. Pp. 791–810. DOI: 10.1017/S0305741005000500
14. Qian Y. *How Reform Worked in China: The Transition from Plan to Market*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. 412 p.
15. *Liaoning lan pishu 2008. Liaoning jingji shehui xingshi fenxi yu yuce* (Blue Book of Liaoning Province 2008. Economy and Society of Liaoning: Analysis and Forecast. Ed. by X. Cao). Beijing: Shehui kexue wenxian Chubanshe, 2008. 421 p. (In Chinese)

■ ■ ■
Для цитирования:

Кондратенко Г.В. Политика местных властей КНР по созданию точек экономического роста // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 83–91. DOI: [10.14530/reg.2018.6.83](https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.83)

For citing:

Kondratenko G.V. The Policy of Local Authorities of the People's Republic of China on Creating Points of Economic Growth. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 83–91. DOI: [10.14530/reg.2018.6.83](https://doi.org/10.14530/reg.2018.6.83) (In Russian)